

Т.В. Надозирная, Л.А. Скубачевская

Пьеса «Вишневый сад». Особенности жанра. Композиция

О жанре «Вишневого сада» — одной из самых сложных пьес в мировой драматургии — существуют самые разные мнения. Споры начались еще с самой первой постановки «Вишневого сада» К.С. Станиславским и В.И. Немировичем-Данченко. Художественный театр поставил ее как тяжелую драму русской жизни:

«Это не комедия, это трагедия... Я плакал, как женщина...» (*К. С. Станиславский*).

Чехов определил жанр так: комедия. В словаре литературоведческих терминов значится:

«Комедия (от греч. komos — веселая толпа и oide — песнь) — один из основных видов драмы, изображающий такие жизненные положения и характеры, которые вызывают смех. Комедия как особая форма комического в литературе наиболее точно улавливает и передает его важнейшие оттенки — юмор, иронию, сарказм, сатиру. Отсюда многокрасочность и разнообразие комедийных жанров: от развлекательных (фарс, интермедия, водевиль) до “серьезных”, содержащих в себе глубокую идейную задачу. Различают комедию “положений” и комедию “характеров”. В первой источником смешного являются всякого рода нелепые стечения обстоятельств. Комедия “характеров” сосредоточивает внимание на различных недостатках людей, искажающих их человеческую сущность».

Можно ли рассматривать «Вишневый сад» как комедию «положений» или «характеров»? Обстоятельства, в которых оказываются герои пьесы Чехова, нелепы (родной дом погибает, а хозяева пьют кофе и раздают золотые направо и налево, при этом отвергая возможный разумный выход из ситуации). Герои говорят о прекрасном будущем, о новом, невообразимой красоты саде, будучи совершенно равнодушными к уже существующему саду в настоящем. Но эти нелепости происходят не по вине героев — так складываются их жизни, к такому итогу привела логика развития их характеров и жизненных обстоятельств.

В этом видны закономерности, отнюдь не вызывающие смех. И характеры героев вовсе не смешны — они драматичны и неоднозначны. Никому из героев Чехов не дает прямолинейной характеристики.

Совершает всякие нелености Епиходов: то кий ломает, то гитару мандолиной назовет, то в его стакане окажется таракан. Смешна идея «родителя» Симеонова-Пищика вести свою родословную от лошади, которую Калигула привел в римский сенат. Смешны попытки Яши быть утонченным «французом», попахивая при этом курицей или селедкой. Забавны его моралистические речи: «По-моему так: ежели девушка кого любит, то она, значит, безнравственная...» Забавно выглядит эпизод в конце второго действия, когда Петя произносит речи, предназначенные для митинга, единственной своей слушательнице — Ане, а их прерывает Варя, следящая, чтобы между ними не случилось любви. Но это все эпизоды «периферийные». В «магистральном» течении пьесы ничего смешного нет.

Определение пьесы как комедии связано с особым чеховским пониманием природы этого жанра. Т.Л. Щепкина-Куперник вспоминает, как Чехов рассказывал ей о такой идее:

«— Вот надо бы написать такой водевиль: пережидают двое дождь в пустой риге, шутят, смеются, сушат зонты, в любви объясняются — потом дождь проходит, солнце — и вдруг он умирает от разрыва сердца!

— Бог с вами, Антон Павлович! — изумилась я. — Какой же это будет водевиль?

— А зато жизненно. Разве так не бывает? Вот шутим, смеемся — и вдруг — хлоп! Конеч!»

Этому разговору почти сто лет, и все эти годы театры многих стран ищут «меру грустного и смешного» в чеховских пьесах. Ясно одно: однозначному жанровому прочтению — только печальному или только комическому — эти произведения не поддаются.

Интересно в этой связи и такое суждение Чехова:

«Никаких сюжетов не нужно. В жизни нет сюжетов, в ней все перемешано — глубокое с мелким, великое с ничтожным, трагическое с смешным».

Видимо, для Чехова нет деления жанров на высокие и низкие, серьезные и смешные, поскольку такого деления не происходит и в самой жизни. А раз этого нет в жизни, значит, не должно быть и в искусстве. Исследователь творчества Чехова З. Паперный пишет:

«Можно сказать, жанр чеховских пьес (и “Чайки”, и “Дяди Вани”, и “Вишневого сада”) родился на границе понятий «комедия» и «драма», как бы на самом лезвии, и не соскакивает окончательно ни в одну, ни в другую сторону».

Известно пушкинское высказывание о высокой комедии, которая, по его словам, близко подходит к трагедии. В наши дни существует жанровый термин «трагикомедия». В трагикомедии драматург отражает одни и те же явления действительности одновременно и в комическом, и в трагическом освещении. При этом трагическое и комическое не просто соединены. Эти элементы, взаимодействуя, усиливают друг друга, образуя в конечном счете органическое нерасторжимое единство. Трагикомедией является, по видимому, и «Вишневый сад».

Один из самых ярких режиссеров-постановщиков пьесы «Вишневый сад» в 1970-е годы Анатолий Эфрос писал:

«Мы ушли от привычного лирического быта и открыли дорогу странному трагизму, который в этой пьесе заложен. Чистый, какой-то даже наивный трагизм. Детская разноголосица в минуту грозящей опасности».

Этот «наивный трагизм» особенно виден на примере третьего действия: бал в доме устраивается именно в тот день, когда на торгах решается судьба вишневого сада; Варя танцует, плачет; Раневская и Петя говорят о том, что значит быть «выше» или «ниже» любви, осыпая друг друга упреками и одновременно жалея, а затем Петя, рассерженно удалившийся после этого разговора, падает с лестницы. Это — проявление того самого принципа, по которому Чехов собирался писать водевиль, заканчивающийся смертью. Так возникает жанровое образование, позволяющее одновременно передать и жалость по отношению к персонажам пьесы, и гнев, и сочувствие к ним, и их осуждение — все то, что вытекало из идейно-художественного замысла автора.

Особенностью пьес Чехова является их кажущаяся «бесконфликтность». В пьесе «Вишневый сад» нет резкого противостояния характеров, ослаблены элементы занимательности фабулы, пьеса строится не на остросюжетном драматическом действии, а на углубленном психологическом анализе характеров.

Чехов пытается перенести в пьесы основные принципы «объективной» прозы. Отсюда — новая организация художественного материала, новое представление о принципах построения действия.

В «Вишневом саду» в жизни персонажей нет явных катастроф — если не считать аукциона, о котором они знают заранее. Действие пьесы протекает шесть месяцев. Чем заняты герои? Раневская, Гаев, Аня, Петя Трофимов? Только разговорами. Трудятся лишь Лопахин и Варя — да и то где-то за сценой. Ничего не происходит. Герои плывут по течению. Нет событий, а жизнь разбита. Почему? Кто виноват? Вроде бы никто, и вместе с тем — все.

Чеховские пьесы строятся как многоплановое развертывание многих мотивов и лейтмотивов. Каждый эпизод окрашен единым настроением, и пьеса развивается не от события к событию, а от настроения к настроению. Реплики и эпизоды связаны ассоци-

ативно, по законам поэтическим или музыкальным. Поэтому пьесы Чехова нередко называют драмами настроения или лирическими драмами. Пожалуй, главное в чеховском театре — это свобода от жанровых условностей (при тонком понимании законов сцены). Как Пушкин создал в «Евгении Онегине» «роман жизни», так Чехов создавал свои «драмы жизни», сочетая в них высокое и низкое, прозу и поэзию, быт и бытие, историю и вечность. Многие из того, что у Чехова было лишь намечено, открыло дорогу целым направлениям театрального искусства XX века — таким как эпический театр Б. Брехта, драматургия абсурда, театр Т. Уильямса.